

УДК 947.084:619:341.652

**ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО ДЕЛАМ РАБОТНИКОВ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ВЕТСЛУЖБЫ СССР
В ПЕРИОД РЕПРЕССИЙ 1937–1938 гг.**

**С.А. ПАПКОВ¹, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
А.С. ДОНЧЕНКО², академик РАН, научный руководитель,
Т.Н. САМОЛОВА³, кандидат ветеринарных наук, ведущий научный сотрудник**

¹Институт истории СО РАН

630090, Россия, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8

²Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий Российской академии наук

630501, Россия, Новосибирская область, пос. Краснообск

³Институт экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока СФНЦА РАН

630501, Россия, Новосибирская область, пос. Краснообск

e-mail: referent@ievsidv.ru

Дан анализ судебно-правовой практики сталинского руководства в форме показательных судебных процессов над специалистами-аграрниками и управленцами низового уровня во второй половине 1930-х годов. Основное внимание уделено судебным преследованиям работников животноводства и ветеринарной службы. Приведены характерные примеры и общая статистика показательных судов в Сибири, применяемых властями как способ преодоления дезорганизации в управлении и производстве в сельском хозяйстве. Дана общая оценка политико-пропагандистских целей показательных процессов и массового участия в них рядовых сельских граждан.

Ключевые слова: Сибирь, сельское хозяйство, показательные судебные процессы, работники животноводства и ветеринарии, репрессии.

Показательные уголовные процессы – одна из наиболее распространенных и порочных форм использования права в советской политико-юридической системе. Подобные процессы появились и активно применялись уже с первых лет существования большевистского режима, но максимального развития достигли при Сталине, превратившись в систематический инструмент обслуживания политических интересов руководства страны.

Наибольшее распространение показательные процессы находили в сфере «борьбы с вредителями в народном хозяйстве», где коммунистический режим постоянно испытывал глубокие провалы, кризисы и чувствительные материальные потери, виновниками которых непременно назначались специалисты и низовые работники – инженеры, ветери-

нары, агрономы, зоотехники и управленцы различного уровня.

В современной научной литературе описываемому феномену посвящен ряд оригинальных работ [1, 2]. Однако отдельные аспекты этой темы, в том числе региональные, нуждаются в дополнительном изучении.

Вторая половина 1930-х годов – время завершения коллективизации сельского хозяйства в СССР – служила яркой иллюстрацией кризиса советской аграрной политики. Наиболее острое положение в этот период было в животноводческой отрасли, где, несмотря на крупные государственные капитальные вложения, колхозно-совхозное производство несло огромные убытки. Систематический падеж скота и птицы, широкое распространение заразных болезней животных, наносивших непоправимый ущерб всей экономике,

отчетливо выражали признаки дезорганизации и хаоса, царившие в сельском хозяйстве и сфере ветеринарного обслуживания. Такое положение в животноводстве, как и в других отраслях аграрной экономики, Сталин и его окружение, а также руководители областей и республик рассматривали как несомненный признак подрывной деятельности вредителей. В отчете об оперативной работе Новосибирского управления НКВД за 1937 г., в частности, отмечалось, что за последние 3 года «...по далеко не полным официальным данным уничтожено по Западно-Сибирскому краю только крупного рогатого скота 300–400 тыс. голов». Деятельность вредителей, утверждалось в отчете, «...направлялась по пути искусственного заражения и распространения эпизоотических заболеваний – сибирской язвы, чумы, рожи свиней, паратифа, бруцеллеза, оспы овец, ящура, сапа и др. Очаги заразы не ликвидировались, противоэпидемические прививки умышленно задерживались и проводились непригодными материалами. Также установлено, что в целях вредительства делались противопоказанные прививки, вызывающие массовый падеж. Заведомо неправильно ставились диагнозы заболевшим животным, под этим предлогом производился массовый забой совершенно здоровых животных, в результате в отдельных районах (Чановский, Венгеровский) были ликвидированы целые животноводческие хозяйства. Диверсионная деятельность ... в последние два года достигла громадных размеров, очаги таких эпизоотий как бруцеллез, экзема распространялись по большинству районов края; сибирская язва, чума, рожа, сап и др. болезни ежегодно нарастали» [3].

Чтобы исправить такое положение, сталинское руководство решило организовать по всей стране серию показательных судебных процессов с участием мнимых «вредителей» – основных виновников драматической картины в развитии сельской экономики и особенно в сфере животноводства.

В крайкомы и обкомы партии 4 октября 1937 г. была послана зашифрованная телеграмма ЦК ВКП (б), подписанная Сталиным и Молотовым, в которой давалось указание провести в районах от 3 до 6 «открытых по-

казательных судов над вредителями по животноводству, имея в виду как избощенных ветеринаров, зоотехников, лаборантов биофабрик, так и работников местных земельных и совхозных органов. ... Изобличенных во вредительстве приговаривать к расстрелу, об исполнении приговоров публиковать в местной печати» [4].

Речь, таким образом, шла о новой фазе показательных судов в сельских районах страны. Ранее (в августе – сентябре) по директиве Сталина от 3 августа 1937 г. уже была начата аналогичная кампания судов по «разгрому вредителей, пробравшихся в районные партийные, советские и земельные органы» [5]. Однако она не касалась каких-то отдельных сельских профессий. Суровые приговоры публично выносились в основном районным партийным и советским руководителям. Теперь же судебную машину требовалось направить против особой группы конкретных виновников разрушения сельского хозяйства – животноводов и ветеринаров.

В регионах страны развернулась интенсивная деятельность по исполнению новой сталинской директивы.

Осенью 1937 г. и весь 1938 г. в сельскохозяйственных организациях и сельской местности страны проводились многочисленные аресты, разоблачения «диверсантов-вредителей». Привлечь к судебной ответственности и приговорить к «высшей мере» можно было по любому хозяйственному вопросу и промаху или чаще по тайному доносу. Уже на третий день после получения телеграммы ЦК ВКП (б) газета «Советская Сибирь» опубликовала обвинительное заключение о разоблачении и придании суду старшего ветеринарного врача совхоза «Сибиряк» Ояшинского района Антона Родюкова (арестован 10 июля 1937 г.). Очевидно, еще не вполне зрелый специалист 25-летний Родюков, «исключенный из ВЛКСМ за антисоветские выступления», обвинялся в том, что на протяжении 1935–1937 гг. «систематически проводил контрреволюционную вредительско-подрывную работу, направленную на уничтожение поголовья скота в совхозе, заражая свиней чумой и рожей, коров – бру-

целлезом, лошадей – часоткой, не леча больных...», в результате чего в районе были допущены катастрофические потери скота: 2720 свиней – за 1936 г., 816 – за 1937 г. и сотни других животных [6]. Несмотря на возраст и очень скромный стаж практической работы (с 1935 г.), А. Родюков выступал как единственный обвиняемый в нанесении столь крупного экономического ущерба. Именно его персона внезапно обрела необычайное политическое значение и стала главным объектом широкой пропагандистской атаки. В последующие дни во многих сельских районах огромной Новосибирской области (четыре современные области Западной Сибири) проведена серия массовых митингов яростного осуждения «троцкистского выродка Родюкова», словно молодой специалист олицетворял деятельность неких могущественных враждебных сил. Даже для 1937 г. такие мероприятия по поводу никому не известного ветеринара были чем-то новым, неординарным, ясно свидетельствующем о том, что на этой случайной фигуре «вредителя» сошлись хозяйственные проблемы региональных властей и личные тяготы сельских жителей. Участие в митингах подобного рода давало рядовым гражданам выход для скрытых личных обид и иллюзию морального возмещения. Из Татарского района сообщали: «На митинге ветеринарных работников, где присутствовало 45 человек, единодушно принято решение требовать расстрела гнусного негодяя Родюкова, подрывавшего социалистическое животноводство». На смертной казни настаивали также на всех остальных митингах в сельских районах – Каргатском, Венгеровском, Чановском, Барабинском, Верх-Ирменском, Топкинском, Убинском, Краснозерском и других и даже на призывных пунктах Красной Армии [7].

Через несколько дней печать сообщила о завершении показательного суда над А.В. Родюковым. «Процесс проходил при огромном внимании рабочих и служащих совхоза «Сибиряк», а также рабочих совхозов и колхозников Ояшинского, Болотинского, Юргинского и других районов, приехавших на процесс, – сообщала област-

ная газета. – Все они выражали гнев и негодование против взбесившегося бандита, врага народа Родюкова» [8].

Как и ожидалось, обвиняемый ветврач был приговорен к казни. Однако его шельмование в печати продолжалось еще больше недели.

Атаки на ветработников разворачивались по всей стране. Журнал «Советская Ветеринария» сообщал в этот период: «Закончившийся 18 октября 1937 г. в Воронеже суд над троцкистско-бухаринским отребьем отчетливо показал, что они действовали в прямых интересах фашизма, в интересах иностранной буржуазной разведки. ... Подлые враги народа искусственно создавали бескормицу, отравляли скот недоброкачественными кормами, распространяли заразные болезни (чуму, сибирскую язву, сеп, инфекционную анемию, ящур и др.), саботировали лечение скота.

..... Все это привело к громадному падежу скота в Воронежской области. Они затягивали снятие карантина в колхозах, на железнодорожных станциях, в районах, искусственно удлиняя его до 5–6 месяцев; без всякого основания закрыли на 3–4 месяца 40 станций для погрузки скота.

Главным вдохновителем этой контрреволюционной своры был матерый бандит Виктор. Завербовав более 40 человек, он пытался создать повстанческие группы для свержения советской власти. ... Все они по приговору советского суда расстреляны.

В системе НКЗема Белорусской ССР орудовала шпионско-диверсионно-вредительская шайка в лице бывшего начальника Ветеринарного управления НКЗема Белорусской ССР Пасманика, его помощника Иванова и подручных Мисникова, Гурского, Подсевалова. Все они шпионили в пользу фашистских государств, в угоду своим хозяевам. Эта контрреволюционная банда успела уничтожить тысячи голов скота, прививая здоровым чуму, менингит, инфекционную анемию и другие заразные болезни. Все они по приговору Военного Трибунала расстреляны.

Бывш. врид. начальника Главветупра НКЗема СССР Недачин и бывш. начальник Ветеринарного управления РККА Никольский дали вредительское распоряжение о вывозе

фуража из районов, неблагополучных по сапу и инфекционной анемии, для использования его, в том числе и в Красной Армии.

Нет сомнения в том, что вредители приложили свои грязные руки и к советской ветеринарной печати. Враги народа пробрались и в редакцию журнала «Советская Ветеринария». Хозяйничая в этом журнале, они тормозили его развитие, насаждали в нем аллилуйщину, чем усыпляли бдительность ветеринарных кадров, вызывая этим справедливые возмущения честных практических работников периферии.

Передовые статьи, написанные врагами народа, ориентировали ветработников периферии на благополучие по эпизоотиям и не давали четких установок по организации противоэпизоотических мероприятий» [9].

Аналогичные судебные процессы проходили по всей Сибири. В конце октября 1937 г. секретарь Новосибирского обкома Р.И. Эйхе докладывал Сталину и Молотову в секретном письме:

«Во исполнение Вашей директивы за № 19–20... готовятся следующие открытые процессы:

в Чановском районе над группой диверсантов в составе: Богомолова (райветврач, б. капитан старой армии, в 1918 году активно участвовавший в сызранском эсеровском восстании), Кривец (зоотехник), Смирнова (зоотехник по коневодству, сын крупного коннозаводчика), Крошина (зав. сектором животноводства РайЗО). Этими диверсантами в течение 8-ми месяцев 1937 года в рай-

оне уничтожено 2800 голов крупного рогатого скота, принадлежащего колхозам.

В Куйбышевском районе арестованы и привлекаются к уголовной ответственности Децик (зав. райзо – исключенный из партии как активный бухаринец), Еракин (зоотехник, сын торговца), Карнаух (ветврач, сын кулака), Бейнарович (ветфельдшер), Ивлев (зав. МТФ колхоза «1 Мая», кулак).

Следствием устанавливается активная диверсионно-вредительская деятельность привлекаемых, заключающаяся в умышленном заражении скота инфекционными заболеваниями, в результате чего в 1936–1937 годах уничтожено 620 лошадей, 1170 голов крупного рогатого скота; падеж молодняка в 1936 году достигал 23 %, в 1937 году – 19 %» [10].

В подробном сообщении Эйхе перечислял и другие районы Новосибирской области (Венгеровский, Ояшинский, Искитимский, Купинский), где также были арестованы местные работники – в основном ветврачи и зоотехники, привлекаемые к показательному суду за «массовую гибель и умышленный забой зараженного скота».

Информация аналогичного свойства поступала и из Восточной Сибири: «По Иркутской области, в Заларинском районе вскрыто контрреволюционное вредительство в колхозе «Путь Коммунизма», где животновод колхоза Лозовский допустил массовую гибель поголовья свиней – молодняка и крупного рогатого скота (за 1 квартал 1937 г. погибло от истощения и отравления жебре-ем 200 поросят и 6 голов крупного рогатого

Справка о привлеченных к уголовной ответственности и осужденных по делам о вредительстве в области животноводства (на 17 декабря 1937 г.) [12]

Край/область	Количество возбужденных дел	Количество привлеченных к уголовной ответственности	Осуждено к ВМН
Бурят-Монгольская АССР	19	70	2
Восточно-Сибирская/Иркутская область	22	86	32
Дальневосточный край	10	33	2
Новосибирская область	6	10	4
Красноярский край	8	37	22
Алтайский край	13	46	11
Омская область	1	4	–
Якутская АССР	6	8	–
Всего по СССР	600	2053	762

скота)» [11]. Есть также материалы крупного процесса по делу «эсеровской организации», вскрытой в Иркутском областном земельном управлении (Восточно-Сибирская Правда, 1937, 23–26 ноября).

Всего только в Новосибирской области в четвертом квартале 1937 г. был организован 21 показательный процесс над «вредителями и саботажниками в сельском и элеваторном хозяйстве». Осужден 131 человек, из которых 32 приговорены к расстрелу.

В ноябре 1937 г. Прокуратура СССР представила в СНК СССР Молотову полный отчет о проведенных процессах по делам «вредителей в области животноводства». Статистические данные отражали следующую картину (см. таблицу).

Очевидно, что использование показательных процессов над деревенскими «вредителями» сталинское руководство расценивало как вполне эффективную меру и убеждало себя в том, что подобная практика налаживания дел в сельском хозяйстве достигает необходимой цели и ее следует продолжать и дальше. В связи с этим 1938 г. также отмечен проведением серии новых открытых судов. Однако специальной кампании по «вредителям в животноводстве и ветеринарии» больше не проводилось, вероятно потому, что отрасль испытывала острый дефицит ветеринарных и зоотехнических кадров. Как отмечала местная печать, 48 районов Новосибирской области и Алтайского края «до сих пор не имеют ветеринарных врачей и только 28 врачебных участков (из 151) замещены врачами этой специальности» [13].

Действия судебно-карательной машины сосредоточились на «вредителях» в уборке урожая и хлебозаготовках. В этой сфере активность судов в 1938 г. значительно превысила показатели предшествующего года. Уголовные дела возбуждались преимущественно в отношении единоличников и должностных лиц: за «невыполнение хлебопоставок», «срыв уборки урожая, непроведение обмолота», «порчу зерна на токах и зернохранилищах», «плохое качество уборки и потери урожая», «поломку сельхозмашин».

В 1937 г. по этим видам «преступлений» в Новосибирской области (на 15 октября) осуждены областными и районными судами 246 человек, в 1938 г. – уже 462, из которых 28 осуждены по «контрреволюционным статьям» и приговорены к расстрелу (в 1937 г. таких осужденных было лишь 8 человек). В отчете председателя Новосибирского облсуда А.В. Островского отмечалось, что «...подавляющее число дел рассмотрено в выездных сессиях показательными процессами» [14]. Стоит заметить, что облсудья А.В. Островский вскоре также был арестован вместе с массой других судебных работников и прокуроров Сибири, готовивших показательные процессы, и признал себя участником антисоветского заговора.

В целом открытые судебные процессы в сельских районах в 1937–1938 гг. можно оценивать как весьма своеобразное явление в советской социально-политической жизни. Их основной отличительной чертой было прежде всего общее количество: ни ранее, ни в последующие периоды сталинской эпохи они не проводились в деревне в таких масштабах, как в 1937–1938 гг. Как публичная и широко пропагандируемая карательная мера процессы вносили собственный вклад в кампанию массового террора этого периода, еще более нагнетая атмосферу страха. Они по-своему узаконивали террор, при котором судебно-правовой системе отводилась роль лишь жалкого политического придатка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фишпатрик Ш. Как мыши kota хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. – М., 1996.
2. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М., 1998.
3. Архив УФСБ по Новосибирской обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
4. Трагедия советской деревни. – Т. 5. – Кн. 1. 1937. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 486.
5. Трагедия советской деревни. – Т. 5. – Кн. 1. 1937. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 394.
6. Советская Сибирь, 1937, 6 октября.
7. Советская Сибирь, 1937, 8–11 октября.
8. Советская Сибирь, 1937, 14 октября.

9. Советская ветеринария – 1937. – № 11–12. – С. 11–12.
10. Трагедия советской деревни. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 489–490.
11. Трагедия советской деревни. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 501.
12. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 52.
13. Советская Сибирь, 1937, 24 октября.
14. Трагедия советской деревни. – Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 277.
3. Arkhiv UFSB po Novosibirskoy obl. F. 1. Op. 1. D. 1. L. 14.
4. Tragediya sovetskoy derevni. – Т. 5. – Кн. 1. 1937. – М.: ROSSPEN, 2004. – С. 486.
5. Tragediya sovetskoy derevni. – Т. 5. – Кн. 1. 1937. – М.: ROSSPEN, 2004. – С. 394.
6. Sovetskaya Sibir', 1937, 6 oktyabrya.
7. Sovetskaya Sibir', 1937, 8–11 oktyabrya.
8. Sovetskaya Sibir', 1937, 14 oktyabrya.
9. Sovetskaya Veterinariya, 1937. № 11–12, S. 11–12.
10. Tragediya sovetskoy derevni. – М.: ROSSPEN, 2004. – С. 489–490.
11. Tragediya sovetskoy derevni. – М.: ROSSPEN, 2004. – С. 501.
12. RGASPI. F. 82. Op. 2. D. 888. L. 52.
13. Sovetskaya Sibir', 1937, 24 oktyabrya
14. Tragediya sovetskoy derevni. – Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М.: ROSSPEN, 2004. – С. 277.

REFERENCES

1. Fitspatrik Sh. Kak myshi kota khoronili. Pokazatel'nye protsessy v sel'skikh rayonakh SSSR v 1937 g. // Sud'by rossiyskogo krest'yanstva. – М., 1996.
2. Solomon P. Sovetskaya yustitsiya pri Staline. – М., 1998.

DEMONSTRATIVE JUDICIAL PROCESSES AGAINST AGRICULTURAL WORKERS AND VETERINARIANS DURING THE PERIOD OF REPRESSION OF 1937–1938

S.A. PAPKOV¹, Doctor of Science in History, Lead Researcher,
A.S. DONCHENKO², Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director,
T.N. SAMOLOVOVA³, Candidate of Science in Veterinary Medicine, Lead Researcher

¹*Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
8, Akademika Nikolayeva St, Novosibirsk, 630090, Russia*

²*Siberian Federal Scientific Centre of Agro-BioTechnologies, RAS*

³*Institute of Experimental Veterinary Science of Siberia and the Far East, SFSCA RAS
Krasnoobsk, Novosibirsk Region, 630501, Russia
e-mail: referent@ievsidv.ru*

There is given an analysis of law practice under Stalin's leadership in the form of demonstrative judicial processes against agrarian specialists and managers of a local level in the second half of the thirties. Special emphasis is placed on prosecutions of workers engaged in animal husbandry and veterinary service of the USSR. There are given thematic examples and statistics of demonstrative judicial processes in Siberia applied by the authorities as a way to overcome disorganization in agricultural management and production. There is given a general estimate of political and propagandistic goals of show trials and mass participation of villagers in them.

Keywords: Siberia, agriculture, demonstrative judicial processes, workers, animal husbandry, veterinary service, mass propaganda.

Поступила в редакцию 19.06.2017